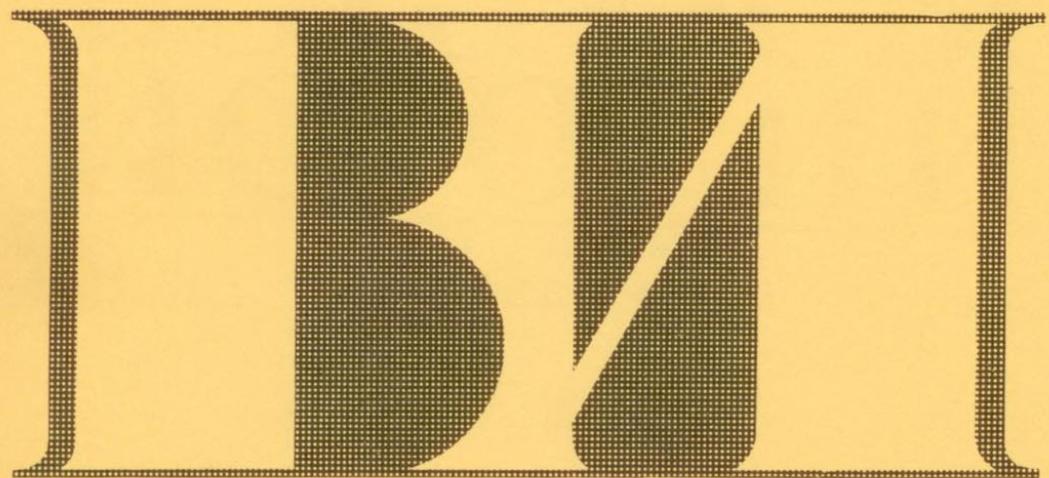

ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7
—
2012

Проблеме «единства правительства» в условиях самодержавного правления посвящены разделы «Верховная власть в поисках единства», «Проблема “объединенного правительства” и упразднение Комитета министров». Здесь, по сути, дано развернутое объяснение невозможности выработки согласованной министерской политики силами Комитета министров; более того, такой задачи перед Комитетом, оказывается, вообще не ставилось (с. 488). Самостоятельный интерес представляют те объяснения невозможности «самодержавного правительства», которые дали современники — представители высших эшелонов бюрократии. Они прибегали при этом к использованию не только таких политических терминов, как «конституция», «цезаризм», но и собственных (например, *Magna charta libertatum*). Эта тема требует дальнейшего внимания исследователей, практикующих метод истории понятий.

Книга А.В. Ремнева дает пищу для дальнейших размышлений и позволяет ставить новые исследовательские задачи. Особенности формы

этого произведения связаны с типом диссертационной работы. Теоретическое переосмысление всех вопросов, рассматриваемых в книге, не входило в задачу автора. Во введении он использует некоторые понятия из pragmatической теории, но, к большому сожалению, не возвращается к ним в дальнейших главах. Тем не менее проведенная Ремневым проработка источников создает новую основу для дальнейшего изучения важнейших властных институтов позднего имперского периода.

Т.Ю. БОРИСОВА

Примечания

1. НОЛЬДЕ Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб. 1911, с. 110.
2. См. рец. Д.А. Андреева: Российская история, 2011, № 3.
3. From the judge's arbitrium to the legality principle: Legislation as a source of law in criminal trial. Berlin. 2012.

А.Ю. МИНАКОВ. *Русский консерватизм в первой четверти XIX века*. Воронеж. Издательство Воронежского государственного университета. 2011. 560 с.

Монография кандидата исторических наук, доцента Воронежского государственного университета А.Ю. Минакова посвящена одной из слабо разработанных проблем отечественной истории. В ней рассматриваются исторические обстоятельства и причины формирования отечественного консерватизма. Длительное время российский консерватизм первой четверти XIX в. оставался для исследователей своеобразной «*terra incognita*». Конечно, нельзя сказать, что о представителях раннего русского консерватизма совсем не писали. Однако, работы посвященные им, не ставили основной целью показать своих героев именно как деятелей «консервативной волны». В основном отечественные историки предпочитали «заниматься анализом “зрелого консерватизма” конца XIX — начала XX века. Исследований же, касающихся сюжетов в более ранние периоды, например в царствование Александра I и Николая I, оказалось гораздо меньше» (с. 35).

Только в последние годы наметились очевидные подвижки и появились работы, положившие

начало серьезному, а главное системному изучению консерватизма первой половины XIX века. Это — исследования Ю.Е. Кондакова, А.Л. Зорина, Е.А. Вишленковой, В.С. Парсамова, А.В. Репникова и др. Определенной систематизации уже имеющегося историографического наследия отечественного консерватизма, в том числе и первой четверти XIX в., способствовало появление энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII — XX века» под. ред. В.В. Шелохаева.

Среди вышеназванных работ исследование Минакова стоит несколько особняком. Автор поставил перед собой цель: воссоздать из достаточно разрозненной источниковой и историографической мозаики целостное исследование, комплексно рассматривающее формирование мировоззрения и непосредственную общественно-политическую деятельность ранних русских консерваторов. Он весьма успешно решает поставленную задачу, опираясь на широкую источникющую базу, включающую в себя как опубликованные, так и впервые вводимые в научный об-

рот документы из архивохранилищ Москвы (ГА РФ, РГАЛИ, ОР РНБ) и Санкт-Петербурга (РГИА, ИРЛИ РАН РО).

Эффективно на достижение нужного результата работает и выбранная структура исследования. Построение глав по проблемно-хронологическому принципу позволяет весьма успешно изображать и анализировать все идеинные пертурбации, связанные с формированием консервативной идеологии в России с 1801 по 1825 год. Сложно не согласиться с точкой отсчета, которую выбирает автор, определяя истоки зарождения консервативной идеологии как реакции «на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII — начале XIX в. стали реформы Петра I, либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства» (с. 59).

По мнению исследователя, хотя в то время русский консерватизм не являлся четко очерченной идеиной системой, в нем уже тогда можно было выделить несколько важнейших факторов, а именно: влияние православной религии, идеал мощного централизованного государства, неприятие определенных западноевропейских политических и культурно-религиозных традиций (конституционализма, парламентаризма, республиканизма, реформаторских религиозных учений). Кроме того, можно также добавить «идеал экономической автаркии». Данные положения позволяют говорить о генетической преемственности выдвигаемых консервативных программ начала и конца XIX века.

При внимательном знакомстве с монографией ощущается актуальность многих проблем, которые около 200 лет назад волновали умы отечественных консерваторов. Одной из таких тем является галломания. Нельзя не согласиться с мыслью, высказанной в монографии, что «споры вокруг влияния французской культуры на русское дворянское общество... способствовали "кристаллизации" консервативного направления». Автор указывает, что «французское влияние рассматривалось (консерваторами — О.М.) как источник буквально всех бед России» (с. 67). И сегодня в спорах идеиных либералов-западников и национал-патриотов фактически звучат те же нотки, что и 200 лет назад.

Напрямую с проблемой галломании консерваторы увязывали и вопрос о значении русского языка, и здесь весьма интересным представляется раздел монографии, рассматривающий де-

ятельность литературного объединения «Беседа любителей русского слова», устав которого был написан А.С. Шишковым.

В контексте тогдашних дискуссий актуально звучат фрагменты шишковского «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», вполне применимые и к сегодняшним дискуссиями о необходимости языковой реформы и наполнения современного русского языка огромным количеством англизмов. Рассматривая литературную борьбу между консерваторами разных литературных направлений — «карамзинистами» и «шишковистами» — автор совершает экскурс в историю развития отечественной журналистики. В частности, если история «Вестника Европы» достаточно хорошо разработана, то литературное детище С.Н. Глинки «Русский вестник», ставший в более поздний катковский период знаменем уже оформленвшегося русского консерватизма, изучен намного меньше, и Минаков в своей работе во многом восполняет этот пробел.

В монографии показаны и проанализированы сложные отношения в формирующемся консервативном лагере, где различные группировки находились в сложных отношениях, то взаимодействуя, то интригую друг против друга.

Очень ярким представляется фрагмент монографии, посвященный деятельности тверского салона Екатерины Павловны. Прекрасно подобранный материал дает возможность получить представление не только о политических воззрениях любимой сестры Александра I, но увидеть образ «тверской полу богини» именно как харизматической фигуры, сыгравшей немалую роль в организационном объединении консервативного лагеря.

Серьезное внимание в работе уделяется выяснению роли консерваторов в «падении М. Сперанского», причем приводится несколько версий событий, приведших к его опале, которую «торжествовали как первую победу над француза-ми». Нельзя не согласиться с мнением автора, что отставка Сперанского, против которого единым фронтом выступили вдовствующая императрица Мария Федоровна, великая княгиня Екатерина Павловна, Н. Карамзин, Ф. Растворин, Ж. де Местр и другие была предрешена, что в свою очередь резко усилило положение «консервативной партии».

Особое место в утверждении консервативной доктрины как идеологической доминаты эпохи «позднего Александра I» несомненно сыгра-

ла Отечественная война 1812 года. Не зря автор назвал главу, посвященную событиям этого периода, — «Звездный час “Русской партии” (1812—1814 гг.)». Возвращаясь несколько назад отметим, что и ранее в монографии отмечалось определенное воздействие на формирование консервативной доктрины военных компаний 1805—1807 гг., то есть участия России в антинаполеоновской коалиции. Но именно события 1812 г. особенно усилили «русскую партию».

В работе приводится очень интересный статистический материал, наглядно демонстрирующий степень участия различных консервативных группировок в патриотическом движении, охватившем всю Россию. Вывод автора таков: «Следует признать, что роль “династических” консерваторов оказалась значительно меньше той, которую сыграли менее именитые лидеры “русской партии”. Особенно надо выделить заслуги А.С. Шишкова, Ф.В. Растворчина, С.Н. Глинки и А.А. Аркчеева».

Естественно, в преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. нельзя не упомянуть о событиях, связанных со сдачей и пожаром в Москве, в котором погибло до 15 тыс. русских раненых, а из 9158 строений 6532 было уничтожено огнем. Длительное время в событиях, связанных со слабо организованной эвакуацией из Москвы, в основном обвиняли одного Ф. Растворчина. Однако, Минаков на основе объективного анализа имеющейся информации приходит к выводу, что «нерасторопность» Растворчина во многом была связана с поведением фельдмаршала М.И. Кутузова. Последний вплоть до 1 сентября 1812 г. заверял Растворчина в невозможности сдачи Москвы.

Имеющиеся в подтверждение этого эпистолярные источники весьма ясно демонстрируют всю степень недовольства Растворчина «его сиятельством». Чего например стоят строчки из письма Растворчина Кутузову от 17 сентября 1812 г.: «Ваша светлость, рассудя за благо оставить и Московскую губернию, как оставили Москву, должность моя главнокомандующего с выступлением войск кончилась, и я, не желая ни быть без дела, ни смотреть на разорение и Калужской губернии, ни слышать целый день, что вы занимаетесь сном, отъезжаю в Ярославль и в Петербург. Желаю, как верноподданный и истинный сын отечества, чтобы вы занялись более Россиею, войсками вам вверенными, и не-приятелем; я же, с моей стороны, благодарю вас за то, что не имею нужды никому сдавать ни сто-

лицы, ни губернии и что я не был удостоен доверенности вашей» (с. 197).

Завершающий этап в становлении русского консерватизма приходится на события, связанные с ликвидацией внешней угрозы; окончательным разгромом наполеоновской Франции и созданием Священного союза. В этот момент «русская партия» столкнулась с серьезнейшей конкуренцией со стороны пропагандистов идеи «общехристианского» государства, пришедшей из Европы. Под влияние этого мировоззрения, густо замешанного на мистицизме, попал и Александр I. Следствием усиления влияния на императора адептов «евангельского государства» стало создание 24 октября 1817 г. на базе Министерства народного просвещения Министерства духовных дел и народного просвещения, или, как его еще называли, «сугубого министерства» во главе с А.Н. Голицыным. Социально-философские взгляды Голицына автор вполне обоснованно характеризует как «религиозный сумбур».

Оценка действий «сугубого министерства» в плане разработки им идеологической доктрины, построенной на базовых категориях западноевропейской религиозно-мистической литературы, и навязывание подобных мировоззренческих установок российской образовательной среде на наш взгляд заслуживает в работе более акцентированных оценок.

Если в идеях и действиях «русской партии» даже противники консерватизма, как политического учения, могут найти для себя рациональные зерна и положительные идеи, то в действиях ретроградов-мистиков, во главе с Голицыным, что-либо подобное усмотреть весьма сложно. Поэтому причисление их к лагерю идейных русских консерваторов можно рассматривать с большой натяжкой. На наш взгляд, это — чистейшей воды мракобесие, к тому же подрывающее основы православной веры.

В этом ракурсе намного привлекательнее выглядят действия «православной партии», которую в 1820-х гг. возглавил Аракчеев, что и дало шанс на смену вектора деятельности «сугубого министерства». 15 мая 1824 г. Голицына на посту министра сменил Шишков.

Хотелось бы отметить еще одно достоинство монографии Минакова. Работа насыщена не абстрактными образами консерваторов, а весьма ярко и объемно изображенными историческими деятелями той эпохи с их достижениями и неудачами, взлетами и падениями. Это не только оживляет книгу, но и позволяет совершенно

по-иному посмотреть на тех, кто некогда рисовался советской историографией этакими «монстрами-охранителями».

Используя, в том числе, и биографический подход, автор добивается как бы двойного результата. С одной стороны, совершенно по-новому раскрываются такие яркие представители русской культуры, как Г.И. Державин, И.А. Крылов и Н.М. Карамзин. Они показаны как полноценные участники политического процесса, реальные носители и разработчики консервативной идеологии. С другой стороны, общепризнанные ретрограды, такие как Аракчеев, Шишков, Ростопчин, С.Н. Глинка, А.С. Стурдза предстают как серьезные политические и общественные деятели.

В целом, несмотря на определенную дискуссионность некоторых авторских оценок, перед нами научная работа, обобщившая все предыдущие изыскания в этом направлении и выведенная проблемы изучения отечественного консер-

ватизма первой четверти XIX в. на новый уровень. Этому способствует и использование автором необычного построения последней главы, в которой рассматриваются взгляды ранних консерваторов на большинство важнейших мировоззренческих и социально-политических проблем (от сущности и природы самодержавия до консервативного проекта в области науки и образования, а также цензурной политики).

Нельзя не согласиться с базовым выводом Минакова о том, что «несмотря на определенную нечеткость их (ранних консерваторов — О.М.) представлений, существенные противоречия между отдельными группировками, они тем не менее смогли выработать идеологическую систему, которая оказала существенное воздействие на все последующие поколения русских консерваторов» (с. 463).

О.А. МИЛЕВСКИЙ

История Небесной империи. Том 1. История первых пяти ханов из дома Чингисовых. Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии. 2011. 218 с.

Изучение истории Монголии изначально было одним из основных направлений отечественного востоковедения. Принципиальной особенностью российского монголоведения, обусловившей его достижения, было обращение к первоисточнику, исторической хронике. Современные российские исследователи, продолжая следовать этой традиции, приумножают достижения своих предшественников.

Свидетельством тому служит издание «Истории Небесной империи». Значение выхода в свет данной книги состоит прежде всего в том, что в ней впервые публикуется русский перевод маньчжурского варианта династийной хроники «Юань ши» — «Дай Юань гуруни судури».

Благодаря усилиям переводчиков Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского существенно расширилась источниковая основа монголоведческих исследований. Ученые получили в свое распоряжение переводы прежде всего тех «тетрадей» «Дай Юань гуруни судури», в которых излагается история степных племен Центральной Азии до полного овладения ими Поднебесной.

Корпусу переведенных первоисточников предписано обстоятельное историографичес-

кое введение В.И.Ларичева. Отдавая должное переводчикам хроники первого тома «Дай Юань гуруни судури» — «Истории Великой Небесной империи», он с оправданным оптимизмом пишет: «Надеюсь, что издание первого тома означает возвращение русской маньчжуристики и китаеведения на стезю, проложенную Н.Я. Бичуриным и П.И. Каменским» (с. 18). Для такой надежды есть достаточные основания — на очереди выход в свет второго тома «Дай Юань гуруни судури».

От себя заметим следующее принципиальное обстоятельство. Благодаря настоящей публикации часть рукописного наследия русского ученого-востоковеда П.И. Каменского вышла из стен хранилища и увидела свет. Она стала доступной не только специалистам, но и всем, кто интересуется прошлым Монголии.

При всей своей несомненной научной значимости перевод Каменского имеет существенный недостаток: он выполнен в манере, допускающей не точный перевод, а переложение текста рукописи (с.17). При этом Ларичев ссылается на мнение специалистов. Со своей стороны укажем, что европейские термины для обозначения об-